

Н и д ж а т М а м е д о в

Н Е П Р Е Р Ъ В Н О С Т Ь II

1

Читай дальше...

Когда начал писать, все призраки исчезли,
исчезли все признаки
и подписал «You».

Вдох. Выдох.

Владеть миром, не присваивая его. Присутствовать.
Вход. Выход.

Пока взгляд упирается в небо,
постигая секреты орнитологии:
птичий щебет, полет дрозда, Мессиаана царство;
пока язык упирается в нёбо,
и рана прикасается к ране,
Твое развертывание непрерывно – YaQeyb! – Исповедник боли.

Черта рта, возглас глаз, кров откровения.

2

Около двух минут назад,
прежде чем записать эти слова,
я налил себе чаю и зажег сигарету.
Пар от чая мешается с сигаретным дымом,
бесплотный танец устремляется вверх,
истаивая над головой.
За окном пролетела птица, чья тень

попала в сеть слов.

Что меняется, пока набираешь строку?

Что-то меняется, когда набираешь строку.

Вернуться ли в реальную реальность:

отойти от экрана (Windows), отпить глоток, затянуться,
выглянуть в окно?

Пролетела еще одна.

Падение взгляда в совпадение крыльев
рассыпается на звонкие монеты немоты.

Нет никаких препятствий для того, чтобы счесть написанное выше
стихотворением.

3

Не все сочетания еще исчерпаны

Многие испорчены

Но любовь диктует повторение

Это напоминает дыхание

Поверхность языка прикасается

К раковине сомкнутых губ

Перевод из пространства на плоскость

Обглоданная кость

Тело для жертвы

Как лето для жатвы

Вид сверху. Проигрыш.

4

Цветение миндаля в феврале

и движение облаков.

Движение сознания, в котором движутся облака,
пальцев, перегоняющих воздушные массы

в кашлю грамматики.

Трепетание цветка напоминает о
мысли Бейтсона об огромной мысли, вошедшей в цветок.

Ни радости, ни скорби: сад погружен в спокойствие.

Мягкий свет его освящает. Сердце бьется ровнее, а знаки
мерцают, мерцают и гаснут.

Как будто весь мир состоит из дыхания

и ветвящихся трещин языка,

повторяющих все это до тех пор,

пока это не превратится в эхо.

5

Щелкни пальцами и все изменится

Рухнут стены и тени

Быт превратится в «быть»

Превращение застынет во вращении

Я обернусь тобой

6

Ты обна(ру)жила себя

в поле моего зрения.

У тебя ступни Гаутамы, мой рот

совершил вокруг них оборот.

Дважды в тебя не войти,

как в течение чтения,

как в первый стих второй суры.

Поцелуй принесет исцеление, цельность,

опустошит мое сердце, переполненное знанием.

Узор становится все сложнее и тоньше, но достаточно

стереть его одним движением кисти. Скольжение значений.

Скольжение иглы сознания, игры случая по вмятинам памяти,

что глубиной в твою пропитанную потом тайну,

где мы зазвучим сросшимися голосами:

к чему числа, раз все Едино?

К чему буквы, если Имя Твое не изречь?

Памяти Дж. С., моего деда

Ты закрываешь глаза, позволяя миру отдохнуть от яда
человеческого взгляда,
становясь разгадкой сна,
от которого нет пробуждения.
Утрата в 11:30 утра, и птица парит в небе — пернатый крест;
ни спуска, ни восхождения.
У постели читают строго Йасин,
и душа покидает тело, как пламя спичку.
Смерть — это когда ты повсюду
(я ставлю тире, вычитывая из вычитания
весь сок объяснения).
Смерть — циферблат без стрелок и цифр,
пустая глазница Вселенной, солнечный шифр.
Смерть — это писать о ветре, читающем листву,
которая переводит воздух.
Ветвление длится даже сейчас, как и прежде,
когда ты давал деревьям в своем саду
напиться вдоволь воды из колодца.
Теперь ты стал космосом, стал корнями,
будучи ими всегда.

Начать можно откуда угодно,
лучи сойдутся в том слове,
что раньше встречалось в тексте не раз и не два,
ну а потом мы вроде бы дорастаем до иронии,

но смерть за покровом шепчет:
будь безмолвным как Книга
или рассейся, как
один из способов прочтения,
стань тенью, эхом, пеплом страниц, зеркалами.

Как продлить нашу невинность?
Закрывать глаза на слепящее знание? Закрывать глаза и смотреть
яркие сны, юркие,
словно ящерики на могильных плитах,
неуловимые, как обратный дождь.

9

ТЫ

неспешно совлечь обличья... и лечь...

Наши тела трутся друг об друга, трудятся,
в надежде высечь искру,
способную осветить весь мрак этой ночи,
сделать ночь короче.
Потом нагие молчим, изымая зычность из языка,
как нищие за трапезой.
Мы лодка без днища и река,
чьё устье выше истока.
Взбираясь, страдаем, ибо страданье для потока —
сокращенье пути,
который нужно пройти
к наготе неизреченного,
пребывающего без всякого «почему».
И пусть наше молчанье, точно иероглиф «МУ»,
растворится в альфе и бете,
пыльных книгах, солнечном свете,
в той вести, что разносит ветер.

10

Древние лица в утробных водах,
лица в безымянной глубине колодца, задавленного тяжелым кам-
нем,
огромным, как гром,
а мы, мы тоже ходим взаперти под открытым небом.

Мы ждем человека «в белом», который назовется «Алфавитом»,
и скажет: «Вы убиваете свой народ.
Возвращайтесь обратно с пустыми руками,
пока облака не стали на два тона темнее».

Где та песня, что сплотит нас?
И кто все еще верит в возможность истории быть рассказанной?
Ведь мы полость для полноты,
и Теорема гласит: я + Ты = ТЫ.

Система же настаивает: «Извините, того, что Вы ищете, не существует», —
и продолжает с одним «но», —
«Действие не может быть отменено», —
будто играет в трик-трак.

Угасание/вспышка. Мерцающий мрак.

11

«Две затяжки и я уже дома.
Давно, это не значит — далеко.
Умирающая роза, сквозящее пустотой окно, абрис лица
вписаны в сердце повседневности.
Лишь имя скрепляет меня со мной,
ибо избрал я кочевье, протяженность мира как непрерывность
своего и твоего отсутствия.
Я избрал не племя, а пламя, шествие в ночи,
я отбросил времени бремя и нашел ключи,
и навстречу мне расцвели лучи».

Археолог утра обнаруживает революцию:
бунт против знаковых систем — Письмо, что предшествует речи,
Письмо, где повествуется о стремящемся к бесконечности
движении двух фигур
тех, кто сталкивается с выбором между возвращением и отказом от него.
Предпочли они край света. Перечеркнуто. Рай Света.

«Думал, спущусь на одну ступень и стану
ближе к цели. Так я спустился с вершины гор
в поисках того, кто примирит меня с собой.
Шел я долго, терпя голод, жажду и зной,
подошвы целовались с землей,
оставил за спиной города,
росла и росла моя борода,
отросла борода, и спутались волосы,
я стал песчинкой в бархане в ожидании Голоса».

«Смой с себя следы странствий,
сядь в тени дерева, назови свое имя, преломи со мной хлеб,
выпей студеной воды и съешь шесть фиников.
Видишь, вокруг пустыня?
Одна лишь пустыня вокруг и значит,
Спрашиваемый сведущ не более Спрашивающего.
Но прислушайся и ты непременно услышишь
темное воркование крови
от опрокинутого в первобытность крика до молчаливой молитвы».

Правила форума:

Вы не можете создавать новые темы

Вы не можете редактировать свои сообщения

[стихотворение не начато, оно продолжено]

Не практика, а опыт создания беспорядка
неотличимой от смерти свободы,
освобождающей вещи от тяжести несобственных значений
правильным движением кисти,
напоминающей смоковницы листья.
Так глина, обратившаяся в прах, хранит отпечатки пальцев.
Так дуновение, странствующее в мирах, оберегает скитальцев.

Дважды священный ужас, движение вспять в «спать»,
в средоточие Тьмы, мыслящей Светом.
Тьма дарит забвение, ужас дарит прорыв,
где встречаешь Иное,
впадая в иступление молитвы, что кажется бредом.
Но все пути прощают бредущих, прощают изгоев.

[стихотворение не окончено, оно оставлено в покое.
Ассоциации сталкиваются и тонут в потоке собственных смыслов.
100% = 0]

14

Каждую встречаешь дважды. У тебя другое тело,
но те же тайны. У тебя смех и губы —
переносные уста мира и мифа.
А еще улыбка и цветок в волосах.
Значит, мое обучение еще не закончилось?
Ты — ось,
позволяющая нанизывать вокруг себя мою самость,
раз(ыг)рывающую своим танцем
хоровод теней, когда при длительном восприятии
фон и фигура меняются местами,
и мыслишь отныне не фигуру, а фон:
возвращение, растворение в фана.
После твоих беззвучных вопросов
я взвешиваю буквы в Ночном чтении,
и слова уходят. Остается то, что за ними,
безъязычные зоны, эоны. Остается отсвет:
это сверкают драхмы дхарм. Что, вероятно, и есть ответ.

15

Теймуру Маликову

Вначале не было имен, и всякий был всем.
Затем вопль заполнил цезуру в биении пульса всего бытия.
Вопль заполнил нутро мира.

И было утро мира.
 Но Ты состоял из темноты
 и голоса. Я — из праха и страха.
 Под долгой синевой вечернего неба
 я внимательно разглядывал пейзаж, надеясь
 отыскать в этой пустоте хоть какой-то знак:
 искры костра, угасшее солнце, гул океана.
 Рот — первая рана —
 сдерживал крик, и крик стал словом,
 слово стало кровью и кровом,
 и так я познал Имя Твое.
 Теперь настала ночь мира,
 но не устанут уста
 повторять перво-Имя,
 которое сейчас не помнят даже словари.
 Сотвори меня заново,
 отвори мне сердце и в нем гори!

16

«И вряд ли жизнь — это “все”.
 Когда огонь раздвигает ночь,
 женщина отдается мужчине, мужчина же влюблен
 в одну только смерть.
 А смерть любит всех без разбору. Но семя по-прежнему
 истекает в лоно,
 как млечный путь над головой», —
 считает наблюдатель, стараясь удержаться
 между памятью и воображением.
 «Вряд ли эта мысль возвела меня в ранг свидетеля, — думает он.
 — Ведь я выброшен наружу из стихии,
 ибо вклинивался в нее острыми краями непосвященности,
 ибо скорее угадываю, чем по-настоящему вижу,
 живя с приглушенным внешним миром,
 чужой самому себе, в тоске по первоисточнику,
 алча истинного путешествия, безвозвратного».
 Тем временем падает с дерева лист, проплывает одинокое облако,
 ворона с тщательной пристальностью выбирает ветку.

Тогда имярек напоследок решает: «Но в моей голове и комнате идеальный порядок — предсмертный», — именно так, в кавычках. Он, бросивший стаю, не может собрать точную картину, а тоска лишь усиливается.

И вдруг он слышит этот зов. Вдали. Что-то смутно знакомое.

И оно приближается.

17

Анару Мамедову

Уже не собрать всей пыли...

Мои глаза и пальцы остыли.

Тебя больше в этой пыли, чем в мечети,

Тебя не поймать ни в какие сети.

Лишь сумасшедшие, птицы и дети

водят знакомство с Тобой.

Разве я убежал слишком далеко, чтобы вернуться домой?

Укрой мое сердце чьей-то рукой,

неважно чьей, ничего что человечесьей.

Говорят, это лечит.

Обрати в чет мой нечет.

Куда бы я ни обернулся — там

будешь только Ты да я сам.

Я молюсь и танцую в забвенье,

ибо слышу каждой пылинки пенье.

А Ты улыбаешься из каждых прорех,

и эта улыбка отменяет грех.

Я вращаюсь, вращаюсь! Все вокруг свято!

Улыбнуться хочу в ответ, но нет. Уже снято.

18

33 года. Захлопывается капкан.

Никаких желаний, влечений.

Мягкое бессилье, ускоряющееся угасание.

Я кончаюсь и не могу более греть себя и других.

Пора собирать манатки и валить отсюда. В подражание назарянину?

Что я оставлю после? Возможно, внимание.

Внимание не столько к вашим словам, о, любимые(!),
сколько к тембру голоса, модуляциям смеха и мимики:
«этакий неудавшийся Авалокитесвара», — скажете вы.

Безумный отшельник потерял силу. Он повесится

и всем наступит мир.

Пьеса окончена, сюжет исчерпан. Пустые страницы без тех стихов,
которые я еще мог бы продолжать писать, пусть станут

моей могилой.

Типа, актер и сцена едины; нет актера — сцена пуста.

Женщина под номером пять возвращает меня вспять,

к пробуждению.

Ее имя переводится с арабского как «Свет во тьме», «Сияние».

Вот начало рассвета, смена направления, преодоление страха.

Главное — не заблудиться. Идти. Все прямо и прямо.

19

для Л. М.

Сумасшедше красивая, но сумасшедшая девочка.

Моя милая мягкая полуцелочка.

Мы вышли друг на друга без труда,

без лишних вопросов «кто ты?», «откуда?», «куда?»,

так как вселенная работает по принципу голограммы,
чтобы я мог целовать голые граммы

твоих сосков, ушных мочек и прочих точек,

чтобы ты рожала мне мрачных принцесс, непонятных дочек,

которые будут расстреливать своих кукол,

уткнув их передом в паутинный угол.

Нас проблеснуло, мы отшвырнули личины.

Мы попрали законы следствий, причины.

Мало ли, много ли могу тебе дать?
Только любовь, стряпню да кровать.

Тотально честная потеряшка!
Жмешься ко мне, точно к бомжу дворняжка.

Спи спокойно, моя странная девочка, спи.
Я снимаю перед тобою очки.

20

Здесь не будет ни одного аргумента по принципу «Ибо сказано».
Распрощавшись с «Я», освобождаешься от попыток
обездвижить себя в ловушке слов и снов.

Существуют вопросы, ответы на которые неизбежно бинарны.

Но имеется такое состояние вне языка,

где «да» и «нет» образуют единство.

Это и есть великолепие в нищете.

Высказыванию «ты поэт, и поэтому с тобой все ясно»
отказано во всеохватности.

Самоидентификация, исходящая от человека,
всегда будет неполноценной. Все вещи и люди равны.

Шакьямуни равен муравью, муравей равен облаку,

облако твоему облику.

Чтобы окончательно постичь и достичь себя, необходимо умереть.

Смерть, помысленная как распад, есть

тотальная сложность. Пожалуй, лишь сложность вбирает в себя

истинность и ложность. До смерти стихотворение служит местом,

где можно прикоснуться к Отсутствию. Единственная эволюция в
поэзии — все большее осваивание безграничной территории Шума.

Предельное расширение

приводит к изначальной незамутненности. Правил нет,

либо они меняются с каждой секундой.

Misreadings как двигатель эволюции.

Хотя я не лингвистический оптимист, не думаю, что словами
можно выразить все, что угодно.

Иначе не было бы музыки, поцелуев и трепетных ласк.

Слова сами свидетельствуют о собственной недостаточности.

Не тоской ли о возвращении к Природе пронизан этот текст?
Когда ты мал, весь мир кажется тебе целым состоянием, но
не дай бог ощутить себя центром мира.

Все уже соотнесено и взаимосвязано и нет
никаких разрозненных элементов, которых
следовало бы соединить в единое целое.

В основном я торчу дома, вероятно, потому что здесь
действует закон перспективы: чем дальше продвинулся,
тем меньше тебя видно.

Движешься от глупости к глубости. К тому же,
писатель не вписывается
ни в одну компанию. Да и выходить на улицу слишком дорого.
Но выпить кофе, бывает, хожу. И уже не один.